

Крепостническая экономика

В ХОДЕ государственной реформы 1719—1724 годов были созданы центральные органы управления торговлей и промышленностью: Берг-Мануфактур-коллегия (в 1722 году она разделилась на две — Берг- и Мануфактур-), Коммерц-коллегия, Главный магистрат. До той поры подобных учреждений Россия не знала (Рудокопный приказ 1700—1711 годов, возрожденный в 1715 году в виде Рудной канцелярии, ни по задачам, ни по масштабам, ни по уровню централизации не мог идти ни в какое сравнение с Берг-коллегией).

Эти бюрократические учреждения стали институтами государственного регулирования национальной экономики, органами, осуществлявшими торгово-промышленную политику петровского самодержавия на основе меркантилизма и протекционизма. Именно создание системы централизованного управления торговлей и промышленностью обозначило перелом в экономической политике петровского государства.

Уверившись в скором успешном завершении войны со Швецией, Петр после 1717 года пошел на существенное изменение торгово-промышленной политики. Суть изменений состояла во введении различных мер поощрения торговли и частного промышленного предпринимательства.

8 апреля 1719 года Петр, «милосердствуя к купечеству Российского государства, указал *казенным товарам быть только двум: поташу и смольцу* (и то для бережения лесов), а прочие товары, которые продаваны были из казны, *уволить торговлю в народ*, токмо прибавочную (сверх обыкновенной) пошлиною, а каким образом оные товары в купечество произвести и с какою пошлин прибавкою, чтоб было к государственной пользе и к народной прибыли, о том учинить рассмотрение в Коммерц-коллегии и публиковать в народ», что и было сделано 1 октября 1719 года¹.

Так спустя полтора десятилетия были ликвидированы столь обременительные и разорительные для русского ку-

печества монополии на большинство товаров, то есть фактически была провозглашена свобода торговли. Реализовать указ о свободе торговли и ведать всеми торговыми делами надлежало созданной в том же году Коммерц-коллегии. Она занималась так называемой «коммерцией», то есть обеспечением коммерческого мореплавания, ведением таможенных дел, правовой стороной торговли и т. п. В регламенте 1724 года главная функция этого органа сформулирована так: «Обще рещи, Коллегии коммерции надлежит все, что *купечеству споспешествует и в доброе состояние привести может*, не токмо довольно в смотреии иметь, но и трудиться, чтоб такое сокровище утрачено не было... дабы никому из подданных *никакой обиды в купечестве не было*, и всяк бы свободно своим именем торги умножал без опасения... чтоб как чужестранным, так и своим выезд всегда свободен был»².

Меры поощрения частного промышленного предпринимательства были несравненно более значительны и разнообразны. Начало им положила знаменитая «Берг-привилегия» 10 декабря 1719 года. Она разрешила отыскивать руды и основывать заводы всем жителям страны, несмотря на их социальный статус. «Соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребныя земли и камения, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому надобно иждивение востребует». Для основания завода нужно было предъявить пробы руды в Берг-коллегию, которая, проверив месторождение, закрепляла участок земли за будущим заводчиком, выдавала ему «привилегию» — соответствующий документ на разработку, закреплявший его права и обязанности.

Важным моментом нового горного законодательства было то, что оно не считалось с феодальным правом на землю, в которой были найдены минералы и руды: «Если владелец не имеет охоты сам строить и с другими в товарищество вступать не похочет, или от недостатка своего не возможет, то принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать, и копать, и переделявать будут, дабы божие благословение под землею втуне не осталось»³. Впоследствии фабрикант должен

был выплачивать хозяину определенную законом компенсацию за использованные земли. Несмотря на то что «Берг-привилегия» вносила перемену в некоторые отрасли феодального права на землю, все же прогрессивность этой нормы «Берг-привилегии» преувеличивать не стоит: в России того времени все, что принадлежало подданному, могли в одночасье «отписать на государя» и передать кому угодно. Помещик петровских времен, чей отец без особой волокиты за неявку на смотр мог быть лишен поместья, не испытывал уверенности земельного собственника, защищенного законом.

Другим важным начинанием петровского правительства была практика передачи государственных мануфактур частным владельцам или — чаще — целым компаниям, которые специально создавались для этого. Еще в 1702 году Невьянский металлургический завод был передан Никите Демидову, зарекомендовавшему себя в глазах Петра как хваткий делец и умелый организатор металлургического и оружейного дела. И надо отметить, что вчерашний тульский кузнец не подвел царя, расширив производство и увеличив поставки в казну высококачественного уральского железа. Но долгое время случай Демидова был исключением из правил, следствием особого расположения царя, передавшего предпринимателю доходный завод со всем оборудованием, материалами и продукцией, а затем приписавшего к нему целые волости уральских крестьян.

Лишь со второй половины 1710-х годов правительство признало полезность передачи государственных предприятий в частные руки. Новые владельцы получали от государства различные льготы. Вот отрывок из «доношения» Берг-Мануфактур-коллегии царю от 29 января 1720 года по поводу передачи московского Суконного двора компании Щеголина: «А за оные деньги велеть им ставить в Военную коллегию на мундир сукнами. И в той компании быть ему, Щеголину, а протчих в ту компанию прибрать по рассмотрению, которые к тому делу б способны, хотя б и неохотою. И велеть им по оной фабрике тщание и труд приложить и умножить не токмо к комисарству на мундир, но и на протчие расходы, чтоб из-за моря в несколько лет вывоз сукнами был пресечен. А за тот бы их труд в продаже сукон и протчего, которого к комисарству на мундир принято не будет, *дать им свободу купечества* и в ряды продавать на пять лет *беспошлинно*. А в Мундир-

ной канцелярии те сукна принимать бы у них *по настоящей цене*. А для умножения и их, компанейщиков, к тому охоты, первые три года дать бы им за те сукна *перед настоящей ценою*, хотя с некоторою и прибавкою на гривну по две денги или по изволению вашего величества»⁴.

Многие положения этого «доношения» типичны для «привилегий» на основание собственных или передачу казенных заводов. Мы видим здесь многочисленные льготы: беспроцентная ссуда на несколько лет, право зачисления в компанию любого предпринимателя, беспошлинная продажа товаров, высокая (по сравнению с обычной) цена при покупке товара казенным ведомством. К этому нужно еще добавить, что существенную помощь предпринимателям оказывал утвержденный в 1724 году Таможенный тариф, облегчавший вывоз за границу продукции отечественных мануфактур и одновременно затруднявший (с помощью высоких пошлин) ввоз идентичных иностранных товаров.

Все эти меры поощрения торговли и частного предпринимательства свидетельствуют, казалось бы, о том, что в конце Северной войны в экономической политике самодержавия произошли коренные перемены и наступил своеобразный «нэп» с характерными для него принципами большей экономической свободы. Но это иллюзия, которая быстро развеивается, когда мы пристальнее вглядываемся в факты.

Еще 18 января 1715 года был издан указ, определивший политику в легкой промышленности (точнее — в суконном деле). Он провозглашал: «Завод суконной размножать не в одном месте, так, чтоб *в 5 лет не покупать мундиру заморского*, а именно: чтоб не в одном месте завести, и заведчи, дать торговым людям, *собрав компанию, буде волею не похотят, хоть в неволю*, а за завод деньги брать погодно с легкостью, дабы ласковей им в том деле промышлять было»⁵. В этом коротком указе — суть всей петровской промышленной политики последних лет. По-прежнему, как и в начале Северной войны, главной целью оставалось самообеспечение армии и страны промышленными товарами. Но теперь Петру открылся новый путь решения этой задачи — создание торговых и промышленных компаний: раз они сыграли такую положительную роль в экономической жизни западно европейских стран, значит, должны быть и у нас.

Не исключено здесь сильное влияние проекта русского представителя в Англии Федора Салтыкова «Изъявления прибыточныя государству» (1714 г.), некоторые положения которого Петр использовал как основу для указов. В главе «О бумажных заводах» Салтыков писал: «А те заводы велеть заводить во всех губерниях купецкими людьми, собрав из них несколько число в компании и от них к тому учинить складку, смотря по пропорции пожитков их, которым потом чтоб прибыли были по пропорции складов их, понеже купцы лучше станут иметь прилежность и надзирательство для своих прибылей»⁶. Подобные же компании, поглядывая на знаменитые французские, голландские и английские Ост- и Вест-индские компании, приносившие огромные барыши, Салтыков предлагал учредить и в России.

Компании прельщали Петра не только широкими возможностями организации дела, требующего объединения капиталов нескольких предпринимателей, но и тем, что они составляли своеобразную общину, члены которой, отдав свои капиталы в общий котел, были связаны круговой порукой и несли общую ответственность перед государством. Государство было заинтересовано в организации компаний, потому и появилась в указе фраза: «буде волею не похотят, хотя в неволю» — насилие оставалось, как мы увидим и дальше, неизменным составным элементом петровского «нэпа».

Важно отметить, что организатор и руководитель компании оказывался как бы на службе у государства и, часто имея, подобно Демидову, чин «комиссара», мог включить в нее даже тех, кто этого не желал. Отказ от вхождения в компанию и предоставления своего капитала, а также добровольный выход из нее могли привести к серьезным неприятностям. В указе от 17 февраля 1720 года об образовании одной из компаний говорилось, что те из компанейщиков, которые, «видя такую его величества милость и для умножения и произведения оной фабрики и нерадением своим, или не хотя его величеству и государству в том показать прибыли, и в ту компанию по учиненному между ими письменному обязательству собственных денег класть, также радения и трудов во оном деле показывать не станут», могли быть сначала оштрафованы руководством компании, а потом попасть в тюрьму при Берг-Мануфактур-коллегии, осуществлявшей общий надзор.

В последнее десятилетие царствования Петра передача мануфактур компаниям и частным владельцам вошла в широкую практику, однако передаче подлежали в первую очередь наиболее убыточные для казны предприятия. В ведомственной переписке убыточность выставлялась как причина передачи мануфактуры в частные руки. Например, в уже цитированном «доношении» Берг-Мануфактур-коллегии о передаче Суконного двора компании Щеголина подчеркивалось, что двор содержится на казенные деньги, «в том есть и *не без убытку*. А оные сукна и прочее добротой *в плохом состоянии*, а охотников, кто б его содержал на своих собственных деньгах, и хотя б в деньгах и вспоможение учинить, никого не находится. Того ради, Берг- и Мануфактур-коллегия за благо изобретает, дабы на оной суконной фабрике, учиня ис купечества компанию добрых и знатных людей, содержать бы им оной Суконной двор на своих деньгах». Серьезной приманкой для того, чтобы взять убыточное дело, служили денежные ссуды: «А в помощь дать им взаимно на три или на сколько лет ваше величество изволит бес проценту ис Кабинета и от комисарства из мундирных денег 30 000 рублей»⁷.

Поощряя частное предпринимательство, делая «послабления» купцам и промышленникам, государство вовсе не собиралось устраниваться из экономики. К концу Северной войны мы имеем как бы новую редакцию прежней политики: если раньше воздействие государства на экономику осуществлялось насильственным путем через систему запретов, монополий, пошлин и налогов, прямого участия казны в торгах и промыслах, то теперь, когда оправдывающая этот диктат экстремальная ситуация осталась позади, вся сила тяжести была перенесена на создание и деятельность административно-контрольной бюрократической машины, которая с помощью уставов, регламентов, «привилегий», отчетов, проверок могла направлять экономическую жизнь через тщательно продуманную систему своеобразных шлюзов и каналов в нужном государству направлении. Для руководства этим процессом и были созданы специальные коллегии.

Важно отметить, что в Швеции, чьи государственные органы Петр считал образцовыми, подобные коллегии также осуществляли политику королевской власти в целом на тех же теоретических основах. Однако условия России существенно отличались от шведских не только

масштабами страны, принципиальными особенностями политической структуры и культуры, необыкновенной интенсивностью промышленного строительства силами и на средства государства, но и прежде всего особенной жесткостью регламентаций, разветвленной системой ограничений, чрезмерным надзором государства за торгово-промышленной деятельностью подданных.

У нас нет никаких оснований думать, что в последнее десятилетие Петр намеревался ослабить жесткую административную узду на экономике или, грубо говоря, неосознанно способствовал развитию капиталистических форм и приемов производства, получивших в это время широкое распространение в Западной Европе. Суть происшедшего состояла в смене не принципов, а акцентов промышленно-торговой политики.

Внимательно вчитавшись в условия передачи мануфактур, мы увидим, что компания не обладает правами настоящего владельца капиталистического предприятия. Она осуществляет лишь вариант своеобразной аренды, условия которой четко определяются государством, имеющим право их изменить, вплоть до возвращения в казну отданного завода и даже конфискации построенного на своем «коште». Так, в «привилегии» 1720 года на основанный Н. Демидовым «на свои собственные денги» медеплавильный завод отмечалось: «И для того ему, Демидову, о том медном заводе повелеть трудитца и тщитца, и, как возможно, проискывать, чтоб то рудное дело у него произведено и умножено было с удовольствием; обнадежить ево, что оной завод *не возметца у него*, и у жены ево, и у детей, и у наследников, *покамест они оной завод содержать будут в добром состоянии*». Как видим, государство гарантирует предпринимателю владение его же собственным заводом лишь до тех пор, пока тот «будет в добром состоянии», то есть будет бесперебойно поставлять в казну необходимую продукцию. В противном случае предприятие могло быть конфисковано⁸.

Именно своевременное выполнение казенных заказов было главной обязанностью предпринимателя. И только излишки сверх того, что сейчас называется «госзаказом», он мог реализовать на рынке. Частное предпринимательство было, таким образом, жестко привязано к государственной колеснице системой государственных заказов преимущественно оборонного значения. С одной стороны, это, конечно, обеспечивало стабильность доходов

мануфактуристов, которые могли быть уверены в том, что казна гарантирует сбыт продукции, но, с другой стороны, это закрывало перспективы технического и иного совершенствования, резко принижало значение конкуренции как вечного двигателя предпринимательства. Вот почему впоследствии тщетны оказались попытки внести усовершенствования в примитивное производство, ибо заинтересованности в его расширении и развитии при стабильности заказов и сбыта через казну не было. Многочисленные льготы для части предпринимателей работали в том же направлении, ибо означали насильственную ликвидацию конкурентов.

Наблюдение и контроль за отечественной промышленностью поручались, как уже было сказано, Берг-Мануфактур-коллегии. «Берг-привилегия» необычайно широко определяла права новой коллегии, которой царь единственной дал «власть и мощь», чтобы «единым судьей быти над всеми к тому (горному делу.— *Е. А.*) принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники» в рудокопные дела вступали и мешались... Сей Берг-коллегиум будет впредь объявлять указами и учреждениями, коим образом те рудокопные дела наилучше и совершенно произведены быть могут»⁹. Таким безапелляционным образом право ведомства решать судьбу горного дела в стране подкреплялось рядом конкретных мер. Коллегия осуществляла обязательный контроль за результатами деятельности рудознатцев, давала разрешения на строительство заводов, устанавливала цены на продукцию, имела монопольное право на покупку продукции мануфактур в размерах, определяемых ею же, осуществляла общий контроль за производством и сбытом товаров, вся административная и судебная власть над предпринимателями и работными людьми была также в руках Берг-коллегии.

Поначалу в ведении коллегии были объединены и тяжелая и легкая промышленность. В 1722 году произошло размежевание Берг- и Мануфактур-коллегий. В декабре 1723 года был принят регламент Мануфактур-коллегии, свидетельствовавший о том, что власть новой коллегии в отношении мануфактуристов стала такой же, как и власть Берг-коллегии над заводчиками. Мануфактур-коллегия должна была всячески покровительствовать предпринимательству в легкой промышленности, «прилежное

о том старание иметь каким бы образом вновь такие и иные курioзные художества в империи Российской вводить». Это, по мысли законодателя, достигалось преимущественно с помощью строгих мер администрирования и контроля.

Правом государства было сдерживание конкуренции предпринимателей, наблюдение за качеством выпускаемой продукции, образцы которой регулярно рассматривались в коллегии. В регламенте говорилось: «О мануфактурах же и фабриках, которые содержатся компаниями, надлежит иметь прилежное смотрение, дабы не ослабежали, но в лучшее состояние произведены были; ежели же усмотрится, что оныя ослабевать будут, то как наискорее коллегию рассмотреть, от чего оное произошло: буде нерадением компанейщиков — и их принуждать к порядочному содержанию, как коллегия за благо рассудит; буде же усмотрится, какая мануфактура или фабрика производится порядочным образом, и содержателя имеют к тому радение, и имеется впредь от нея надежда, а в силу за неимением достойной суммы произвести они не могут, таким коллегия имеет чинить капиталом вспоможение»¹⁰.

Кроме того, согласно регламенту, коллегия должна была наблюдать за производством, экзаменовывать специалистов и впоследствии «учинить каждой мануфактуре регламент». В стране, где действовал уже Генеральный регламент — этот король всех регламентов, — где каждая коллегия, контора, должность имели или, по крайней мере, должны были иметь свой артикул или регламент, четко и подробно определявший функции каждого учреждения и обязанности каждого чиновника, было бы очень странным, если бы каждая мануфактура, частная или государственная, не имела бы своего регламента, в котором бы оговаривалось все, что там должно делаться во благо государства. Об этом должна была позаботиться Мануфактур-коллегия, опекавшая мануфактуры.

Так при Петре создавалась промышленность, в которой главным был бюрократ, чиновник специализированного ведомства, знавший, какую отрасль следует развивать, а какую, наоборот, замедлять, определявший, сколько и какой нужно продукции, сколько должен стоить каждый аршин сукна и пуд железа, обладавший огромной властью над предпринимателем, его состоянием, решавший судьбу его дела и благосостояния.

Ликвидация в 1719 году государственной монополии

Серебряный рубль выпуска 1718 года.

на торговлю традиционными экспортными товарами, несомненно, расширила возможности русского купечества, а принятый в 1724 году протекционистский Таможенный тариф предоставлял ему значительные льготы, ограждая от конкуренции иностранных купцов. Регламент Коммерц-коллегии 1724 года, как отмечалось выше, закреплял новую ситуацию, возникшую вследствие указов о снятии монополии. Но декларативные положения регламента сводились на нет следующими пунктами того же документа, жестко регулирующими грузопотоки и оговаривающими виды товаров, которые надлежало доставлять в разные портовые города в соответствии с привилегиями, созданными для Петербурга, и теми общеполитическими соображениями, которые правительство считало более важными, чем соблюдение провозглашенных принципов свободной торговли. Поэтому регламент предписывает, чтобы товары из Пскова и его района непременно везли только в Нарву, «а в Ригу и в другие места не возили тех товаров, которые велено возить в Петербург», и т. д. Разумеется, административное определение портов торговли являлось проявлением диктата государства в торговой сфере. Провозглашая поощрение отечественного торгового мореплавания и судостроения, власти в категорической форме требовали, чтобы купцы отказывались от постройки судов старых конструкций и плавали исключительно на дорогостоящих «новоманирных» судах. Эти законы распространялись даже на Поморье, население которого имело многовековой опыт мореплавания в север-

ных морях. Нарушение же запрета на строительство судов старой конструкции грозило поморам — этим прирожденным кораблестроителям и морякам — каторгой, с чем их предупредили указом от 11 марта 1719 года.

Влияние государства на экономику не ограничивалось актами непосредственного воздействия органов власти на торговлю или промышленность. Социально-экономические отношения, характерные для русского общества в целом, пронизывали и мануфактуры, в значительной степени деформируя их черты как потенциально капиталистических предприятий. Речь идет прежде всего об особенностях использования на них рабочей силы.

Основанные в начале петровской эпохи мануфактуры рабочей силой обеспечивались по-разному. Государственные предприятия и частные владельцы пользовались как вольной наемной силой, так и «приписными» крестьянами — сельским населением районов, как правило прилежащих к местам размещения заводов. Крестьяне — а это были в основном черносошные — отрабатывали положенную на них государством подать на заводских работах. Что делали «приписные» крестьяне? Это, как правило, были вспомогательные работы. В 1711 году олонечские крестьяне писали в челобитной: «...работаем всякие завоцкие работы, и в лесах дрова сечем, и уголья готовим, и руду здымаем, и обжигаем, и возим безсходно»¹¹. Формально считалось, что отработки не должны превышать в своем денежном выражении суммы государственных налогов. Заводское руководство или владелец компенсировали крестьянские платежи поставками в казну продукции завода. Надо отметить, что практика «приписки» была распространена довольно широко уже с первых лет существования мануфактур еще в допетровский период. Но, как уже не раз отмечалось выше по другим схожим случаям, масштабы такой практики при Петре были уже иными: речь шла о повсеместном и длительном привлечении окрестных, дальних и ближних черносошных, дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян на самые различные стройки, каналы, производства. Новая столица, крепости, каналы, дороги — все, что позже стали называть инфраструктурой, создавалось при Петре огромными усилиями и сверхусилиями крестьянского населения страны. Речь идет о сотнях тысяч крестьян, согнанных со всех уголков страны, за исключением Сибири, население которой выплачивало денежные компенсации за отработ-

ки на стройках европейской части страны, хотя не избавлялось от строительной повинности на Урале и в Сибири. Крестьянин, идущий сотни верст в Таганрог или Выборг, Петербург или Воронеж, Брянск или Ревель для того, чтобы отработать многомесячную трудповинность, стал типичнейшей фигурой русских дорог петровского времени, русской жизни.

Но, если говорить об основном, постоянном, квалифицированном контингенте рабочих петровских мануфактур, трудившихся на них годами и получивших достаточно высокую квалификацию, то это, как правило, были наемные рабочие. Принять на предприятие рабочих «из найму» с улицы в начале XVIII века не представляло особой сложности. Дифференциация сельского населения, система налогообложения, при которой учитывался «двор», а не каждый конкретный человек, множество вполне легальных путей избежать тягла или службы, не говоря уже о том, что в допетровской России были просто бестяглые слои населения, отсутствие жесткой паспортной системы, общегосударственного масштаба в ловле беглых — все это приводило к тому, что в больших городах, вдоль оживленных сухопутных и речных магистралей, да и в целом по стране, возникла значительная прослойка так называемых «вольных и гулящих», ставшая основным резервом вольнонаемной рабочей силы.

Но не только действительно свободные по закону люди входили в категорию «вольных и гулящих». Среди них было немало деклассированных элементов — «вольницы», так хорошо знакомой нам по восстанию Степана Разина. Летом «шалившая» по большим дорогам и рекам, эта «голытьба» зимой устраивалась на мануфактуры. Вместе с тем значительное число «вольных и гулящих» составляли крестьяне, в том числе владельческие, бежавшие от своих господ и государевой службы, а также крестьянские дети, жившие с ранних лет при заводах и обученные там мастерству ткачей, кузнецов и т. д. Вообще, закон строго запрещал использование на заводах труда беглых солдат, рекрутов, помещичьих крестьян. Как неременное условие каждая «привилегия» на заведение новой мануфактуры предписывала: «И на тех заводах держать им (владельцам.— Е. А.) работников вольных людей, а не из крепостных, за заплакою им за труды. А беглых солдат и воровских людей отнюдь держать не велеть, под штрафом». В жизни же эти предписания выполнялись

плохо — беглые крестьяне в большом количестве попадали на мануфактуры. Вместе с «вольными» они и составляли основной контингент квалифицированной рабочей силы как государственных, так и частных предприятий.

Пополнялись мануфактуры также за счет преступников, осужденных на каторгу. 10 апреля 1722 года было, например, принято специальное постановление о ссылке преступников вместе с женами и детьми из европейской части страны на Даурские серебряные заводы. Особенно часто использовался труд женщин-заклученных на полотняном производстве. Приговор «ссылка навечно на прядильной двор» — один из самых распространенных при разборе дел женщин в судах. В дневнике Берхгольца есть любопытное описание посещения герцогом голштинским прядильни на заводе Тамеса (у Берхгольца — Тамсен), по-видимому специально подготовленной к приходу высоких гостей: «После обеда г. Тамсен повел нас сперва в женское отделение, где работают женщины, отданные на прядильню в наказание, лет 10 и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто... Между ними сидела одна девушка, которая служила 7 лет в драгунах, и за то была отдана сюда». Вот так поступали в те времена с предшественницами Надежды Дуровой! Ничего особенного дипломат не заметил, разве что разительное отличие прядильни, которую показывают гостям, и прочих мастерских, «где не было уже той чистоты, напротив, воняло почти нестерпимо. В заключение Тамсен повел нас в комнату, где сидело человек двадцать или тридцать свободных работников, которые ткали за деньги, но заработанная их плата почти не превышает того, во что обходится содержание арестанта»¹². Это наблюдение верно, ибо не следует обольщаться «вольным» положением таких рабочих, фактически запертых на время контракта на мануфактуре, эксплуатируемых за гроши в очень тяжелых, а часто вредных для здоровья условиях.

Если, как отмечалось выше, на заре промышленного строительства проблемы вольной рабочей силы для мануфактур не возникало, то в начале 20-х годов XVIII века такая проблема не только возникла, но и обострилась. К этому времени произошли важные преобразования со-

циального характера, о чем будет сказано ниже. Они, как и резко усилившаяся борьба с бегством, наборы в 250-тысячную армию, стали главной причиной нехватки свободных рабочих рук. Вместе с проведением подушной переписи, которая охватила все мужское население страны, начался массовый вывоз беглых крестьян, в том числе и с мануфактур, где они скрывались под видом «вольных и гулящих» — категории, признанной после подушной переписи незаконной. Это вызвало беспокойство государственных органов, заинтересованных в выполнении поставок казне. Управляющий урало-сибирскими заводами В. Н. Татищев в своем донесении с Урала в Берг-коллегию в 1721 году так сформулировал проблему: «Выслать всех — весьма завод остановить, не выслать — опасаясь, дабы не причли нам в презрение указа». Чуть позже его преемник В. И. Геннин писал в коллегию еще более откровенно и определенно: «Я чаю, что ежели повелено будет из Сибири пришлых старожилов всех на прежние жилища выслать или помещикам отдавать, то в Сибири немного крестьян останется, ибо больше известно государственной Берг-коллегии, какими людьми Сибирь населялась. А заводы будут пусты»¹³. Увеличилось число жалоб на своз крестьян и от частных предпринимателей.

Вот тогда-то и были опубликованы два указа Петра, имевшие серьезные последствия для русской промышленности, экономики страны в будущем. 18 января 1721 года в Сенате Петр подписал указ, разрешающий мануфактуристам покупать к своим заводам крепостных крестьян. Главным мотивом действий правительства, решившего изменить традиционный запрет покупать крестьян представителям недворянского торгово-промышленного класса, была уверенность в несомненной государственной пользе, которую приносят мануфактуристы государству, и признание необходимости поощрить их к этому: «Понеже хотя по прежнему указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели, а иные по нашим указам, как всем видно, что многие купецкие люди компаниями и особно многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковые, и полотняные и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо

произошли. Того ради, позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии».

Значение цитируемого указа трудно переоценить — разрешение покупать к мануфактурам деревни с крестьянами имело необратимые последствия, ибо означало решительный шаг к превращению промышленных предприятий, на которых зарождался капиталистический уклад, в предприятия крепостнической экономики, разновидность феодальной собственности — своеобразную вотчинную мануфактуру. Правда, закон 18 января подчеркивал отличие «деревень при заводах» от помещичьих владений тем, что первые «особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кем не крепить и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг- и Мануфактур-коллегии. А ежели кто противно сего поступит, то онаго всего того лишить безповоротно»¹⁴.

Как мы видим, указ утверждал как бы особую разновидность феодальной собственности — «деревни при заводах», с присущим ей ограниченным правом пользования этой собственностью — только для промышленных нужд. Однако очевидна единая основа как ограниченной, так и безграничной собственности на такие деревни — феодальный способ производства, идет ли речь о работе крепостного на барской запашке или у домны на заводе помещика.

Второй указ Петра, на котором следует подробно остановиться, появился примерно через год — 15 марта 1722 года, и он связан с определением статуса работных людей во время поголовной переписи населения (1719—1724 гг.). Ревизоры, переписывая заводское население, оказывались перед проблемой: что делать с работными людьми, не принадлежавшими владельцу мануфактуры? Все они почти сплошь подлежали действию законов о вывозе беглых, так как, не будучи собственностью мануфактуриста, являлись собственностью кого-либо другого или вышли из владений монастырей, дворцового ведомства, черносотенных или городских общин.

Следствием попытки правительства найти выход из создавшегося положения стало появление указа от

15 марта 1722 года, разработанного при непосредственном участии Петра. Указ предусматривал, что ревизоры должны переписать всех, находящихся на заводах работных людей, «которых они уездов и чьи люди и крестьяне, и, переписав, ежели тех же уездов... о тех свидетельствовать в поданных сказках о душах мужеска полу, они написаны ль и буде написаны, вновь не приписывать, а ежели не написаны, то приписывать к тем же селам и деревням, чьи они скажутся, и класть в раскладку с другими наряду». Иначе говоря, с одной стороны, правительство, заботясь о сохранении числа плательщиков налогов, предписало вносить работных людей в подушные реестры не на том предприятии, где они работали и жили, а в тех деревнях и селах, откуда они вышли на мануфактуру. С другой стороны, закон, охраняя интересы промышленности, запрещал своз работных-беглых с заводов: «А тех работных людей с тех заводов не ссылать неволею, дабы тех заводов не опустошить и тем промыслов оных не остановить. Токмо тем работным людям указом объявлять с запискою, дабы положенные на них деньги на полку (в местах их записи в подушный оклад.— *Е. А.*), также и вотчинникам своим всякия подати платили по-прежнему»¹⁵.

Таким образом, указ имел характер соломонова решения, при котором учитывались и фискальные нужды государства, заинтересованного в сохранении «податного числа» платежных общин, с которых собиралась на армию подушная подать, и владельческие интересы помещиков, чьи беглые были обязаны платить оброки, и интересы мануфактуристов, которые не теряли ценной для них рабочей силы. Но, как часто бывало в России, указ оказался хорош лишь на бумаге. Постановление от 15 марта не выполнялось — беглых крестьян-работных стали вывозить с заводов прежним владельцам. Это, конечно, вызвало недовольство предпринимателей, которые обратились за помощью к Петру. Сохранилась жалоба Тамеса — владельца полотняной мануфактуры. Он писал, что обученные им помещичьи крестьяне подлежат вывозу, на чем настаивают владельцы, чем «чинитца нам в произведении фабрик великое помешательство, понеже уже здесь многих ис того числа людей своих переловили и от судей канцелярских им (помещикам.— *Е. А.*) отданы. Отчего нам есть в произведении фабрик великое помешательство, понеже ныне за одним человеком и многие станы сто-

ят порождение для того, что другова вскоре выучить не можно, что тот, которого от нас изловили, и знал»¹⁶.

Петр, находившийся в это время на Волге по пути в Персию, отписал Сенату: «Господа Сенат! Ведомо нам учинилось, что с фабрик учеников и работников отдают их помещикам по последнему указу о беглых; но понеже интересанты фабрик объявляют, что за тем в фабриках их чинится остановка, того для по получении сего объявите указ, чтоб до нашего возвращения никому ни с которой фабрики учеников и работников, чьи бы они ни были, хотя и беглые явятся, не отдавали, а взятых возвратили. А в которой фабрике есть чьи беглые люди, то и их только велите переписать»¹⁷.

Однако царский указ-письмо действия не возымел — из разных районов продолжали поступать сведения о том, что работных людей — беглых крестьян — возвращают, не дожидаясь Петра, своим хозяевам, причем в массовом порядке. По сохранившимся материалам хорошо видно, что в этом ключевом вопросе местные власти стояли на стороне помещиков — владельцев беглых, обеспечивая, грубо говоря, победу феодализма над капитализмом в промышленности. Вот характерное решение Сената по такому вопросу. Мануфактур-коллегия 30 апреля 1722 года сообщала о ситуации, возникшей в южно-русских районах на тридцати с лишним тысячах овчарных заводов. Эти заводы, как следует из «доношения» коллегии, содержались исключительно на вольнонаемном труде: «с начала и до днесь содержатся кормом и работными людьми тамошними обыватели, где которой завод обретается». Осуществление закона о переписи и вывозе беглых привело бы к тому, что «на помянутых заводах обыватели овец довольствоваться не будут». 22 мая Сенат принял такое решение: «Овец, которые на овчарных заводах содержатца, для содержания раздать, разложив в тамошних местах по числу деревень на многовотчинных людей, хотя б кто и принять не похотел. И тех овец и при них овчаров содержать им во всем против тогож, как и на заводах были содержаны, и приплод от тех овец получать им себе. А шерсть с тех овец снимая, продавать им на суконные заводы, которую покупать у них компанейщикам по определенной двойной цене». Итак, мы видим, что выход из проблемы Сенат нашел в ликвидации государственных овчарных заводов и передаче их помещикам¹⁸.

Окончательно вопрос о работных-беглых был решен в мае 1723 года, когда Сенат ответил на «доношение» Адмиралтейской коллегии, протестовавшей против вывоза работников с поташных заводов, подведомственных ей, и считавшей, что эта практика противоречит упомянутому выше указу Петра о приостановке вывоза беглых с заводов. Сенат в своей резолюции пояснил указ от 15 марта 1722 года следующим образом: «Что же Адмиралтейская коллегия в доношениях объявляет, чтоб тех пришлых по состоявшемуся 1722 года марта 15 дня указу на тех заводах переписать, а с заводов неволею не ссылать, и тем бы оных заводов не опустошить, и тот его величества указ к тому не следует, а силу оной указ имеет о работниках, которые на заводах работают своею волею, а не побегом, да и тем по оному указу не велено положенныя на них деньги на полки, также и вотчинникам своим всякия подати платить по-прежнему, а оные пришлые в той волости жили во крестьянстве и ныне живут своими дворами и подати платят в тех волостях к заводским делам, а не помещикам, чьи они люди и крестьяне; того ради, по оному указу в тех волостях отнюдь их не задерживать, отдавать помещикам по крепостям, а которые из тех пришлых похотят остаться тех волостях токмо для работ, а не для вечнаго житья и не домами жить, и тех, по силе вышеписанного марта 15 дня 1722 года указа, неволею не ссылать, токмо объявить им указ с запискою, дабы положенныя на них деньги на полки, также и вотчинникам своим всякия подати платили по-прежнему без всяких отговорок»¹⁹. Иначе говоря, Сенат дал явно крепостническую трактовку указу 1722 года.

Здесь хочется обратить внимание на одну характерную особенность. На работных людей, вне зависимости от их реального положения, длительности занятий, распространялись нормы и критерии феодального права, фиксирующие сословную структуру феодализма. Феодальное право не содержало в себе дополнений, которые бы учитывали появление новой реальности — мануфактур и связанных с ними общественных слоев: предпринимателей и работных. В социальной структуре (и соответственно в отразившем ее праве) не было места сословию работных людей. Труд на заводе не рассматривался петровскими законодателями, жившими в эпоху интенсивного промышленного строительства, как деятельность, которая могла бы позволить занятому ею человеку полу-

чить особый статус, особое место в сословной структуре общества, отличное от места крестьянина или посадского.

Работа на предприятии воспринималась петровскими законодателями как одно из побочных занятий посадского, крестьянина, разночинца. И хотя на производстве и делалось различие между кадровыми мастерами — работными, давно ставшими профессионалами, и временными работниками — крестьянами, законодательство и правовая практика этой разницы не ощущали: работные люди рассматривались как помещичьи крестьяне владельца мануфактуры, как его собственность. Законодатель фактически не воспринимал и разницы между промышленниками-капиталистами и купечеством, к которому первых часто и причисляли.

Особенно отчетливо эта «слепота» законодательства видна при работе ревизоров, проводивших перепись и проверку наличных душ в каждом селе, деревне, городе, на заводе. Переписывая работных, ревизоры не обращали внимание на то, что они уже давным-давно (возможно, не в первом поколении) стали квалифицированными рабочими, оторвавшимися от своего сословия, класса, социальной группы. Для всех был единый вопрос: «Из каких они чинов и которых городов и уездов?», а затем в реестре фиксировали ответы: «из крестьян», «из посадских», «из церковников», то есть отмечали не социальное происхождение рабочего в современном смысле этого слова, а непосредственную принадлежность к той среде, из которой он некогда вышел.

Иначе говоря, ревизор видел рабочего, но как представителя особой социальной группы его не воспринимал, подобно тому как люди античности видели оранжевый цвет, но воспринимали не как оранжевый, а как разновидность желтого или красного. В нашем случае причина социального «дальтонизма» заключалась в том, что новое в рамках феодализма и крепостничества воспринималось как разновидность старого. Это приводило к распространению норм крепостничества на капиталистический по своей сути способ производства.

Прямым следствием подобных представлений о рабочем человеке являлся упомянутый указ от 28 мая 1723 года, согласно которому работный (если он не являлся собственностью мануфактуриста или не был «приписным» к заводу) мог выступить только в двух ипостасях: как крестьянин — отходник с паспортом, полученным для вы-

хода на временную работу на заводе, или как беглый, нарушивший закон и подлежащий немедленному вывозу с завода на прежнее место жительства, где его приписывали в оклад подушной подати вместе с прочими крестьянами.

Теперь становится понятным принципиальное значение двух указов: от 18 января 1721 года, о покупке мануфактуристами деревень, и от 15 марта 1722 года с пояснениями 1723 года о свозе работных — беглых крестьян. Этими указами промышленность России была поставлена в такие условия, при которых она фактически не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути. Доля капиталистического, вольнонаемного труда в русской промышленности после этих указов начала заметно падать. Казенная промышленность стала переходить почти полностью на эксплуатацию «приписных» крестьян, развился особый институт «рекрутов», своеобразных пожизненных «промышленных солдат», обязанных отбывать рекрутчину не в армии, а у домны или стана.

Распространению крепостничества способствовала и практика, при которой крестьян, не принадлежащих помещикам, но работающих на заводах, стали закреплять в податное тягло там, где они были обнаружены переписью, то есть при заводах. По этому поводу в указе от 20 апреля 1725 года говорилось: «А о которых таких пришлох из губерний к переписчикам ответствовано, что те люди в тех губерниях некрепостные, таковых селить при тамошних казенных заводах, где способнее, и в подушный оклад писать тут, где они будут поселены», ибо, как отмечалось в донесении Берг-коллегии, заинтересованной в закреплении при заводах беглых непомещичьих крестьян, «государственному интересу равно, где бы оные ни жили, только б платеж с них был сполна». Сенат, разрешая такие приписки крестьян к заводам, подчеркивал, чтобы «при том смотреть того накрепко и как можно разведывать, дабы помещичьи люди, крестьяне для поселения при тех заводах не назывались дворцовыми и монастырскими крестьянами»²⁰.

Квалифицированные работные люди и мастера — вольные люди, жившие при заводах, первоначально не были положены в подушный оклад, хотя во время переписи и были переписаны. Однако их положение в обществе, где не было уже вольных и где каждый тянул тягло или служил, было признано ненормальным, и впо-

ледствии указом 1736 года все вольные работные люди были объявлены крепостными владельцев заводов — так называемыми «вечноотданными». В итоге целые отрасли промышленности стали использовать почти исключительно труд крепостных или «приписных», причем по формам эксплуатации «приписные» мало чем отличались от крепостных крестьян. В указе Петра об использовании монастырских крестьян на заводе Демидова отмечалось: «А из тех крестьян, кто явитца ему непослушен, и ему тех ослушников смирять батоги и плетьюми, только в такой мере, чтоб чрезмерною жесточью врознь не разогнать, чрезмерной работы на них не накладывать»²¹. Таким образом, предприниматель мог бесконтрольно распоряжаться трудом «приписного» крестьянина, находившегося у него во временной, но тяжелой и, в сущности, крепостной зависимости. Подобная же картина была и у других заводчиков. Так, суконная промышленность вообще не знала вольного труда: государство, заинтересованное в обеспечении армии отечественным сукном, не жалело деревень для мануфактуристов этой отрасли. Сходная ситуация была и в металлургической промышленности Урала. Перепись 1744—1745 годов показала, что вольнонаемные работные составляли лишь 1,7% от общей массы работных²².

Вряд ли стоит подробно останавливаться на пагубных последствиях победы подневольного труда в промышленности, в итоге определившей в немалой степени экономическое отставание страны от развитых стран Европы.

Крепостническая направленность политики Петра в области промышленности деформировала и начавшийся было процесс оформления русской буржуазии. Как известно, при основании мануфактур их владельцы получали определенные и по тем временам значительные льготы. В частности, согласно «привилегиям», они освобождались от ряда платежей, постоев. В начале 1721 года, почти одновременно с указом о покупке деревень к заводам, был издан указ, согласно которому «первой, которой завод заведет, свободен от службы», лежащей на нем как на посадском, что, по мнению законодателя, «в размножении оных (мануфактур.— Е. А.) может чиниться не без помешательства»²³. Это была весьма серьезная льгота, ибо предприниматели, как и наиболее состоятельная часть посадских жителей, платили львиную долю городских налогов и отправляли многие службы по казенным

делам. Сословная и соответственно судебная и податная обособленность мануфактуристов вызывала недовольство посадских. Его отразило «доношение» Главного магистрата 1722 года. Главный магистрат утверждал, что многие купцы вступают в промышленные компании только для того, чтобы избежать общегородских повинностей, и что компанейщики должны быть подчинены городским органам при определении доли их платежей. Петр внял просьбе Главного магистрата и распорядился, чтобы предприниматели, уже освоившие дело и получавшие с него стабильную прибыль, «с прочими гражданы в гражданских службах и податях быть в магистратском ведомстве»²⁴. Эта резолюция была шагом назад в правовом и податном оформлении социальной группы предпринимателей. Включение мануфактуристов в общее для посада ведомство Главного магистрата растворяло их в городской среде, искусственно нивелировало нарождающуюся буржуазию с общей массой средневекового по своей социальной сути посада.

Помимо правовых были и чисто экономические обстоятельства, препятствовавшие оформлению класса буржуазии при Петре. Они состояли не только в зависимости предпринимателей и диктате государства в промышленной сфере, о чем было сказано выше, но и в том, что само поощрение промышленности со стороны государства имело преимущественно крепостнический характер, способствовало тем самым развитию крепостничества в промышленности, падению роли и значения вольнонаемного труда, возможности использования которого и без того были сужены социальной и «режимной» политикой самодержавия. «Сама возможность «брать в неволю», — писала А. М. Панкратова, — не могла стимулировать заводчиков применять дорогостоящий вольнонаемный труд. Заинтересованные в более легком и более выгодном получении дешевой и даже даровой рабочей силы, они стремились получить ее из людских резервов крепостнического государства»²⁵. Однако предоставление мануфактуристам права использовать покупную рабочую силу дорого (в прямом и переносном смысле) обходилось предпринимателям. В результате происходило «омертвление» капиталов, которые уходили не на совершенствование и расширение производства, а на покупку земли и крестьян. Так, в 1745 году 22 металлургических завода А. Демидова оценивались в 400 тысяч рублей, а вотчины с крестья-

нами — в 211 тысяч рублей. Заводы Луганиных стоили 305,6 тысячи рублей, а крестьяне и земли — 1 миллион 200 тысяч рублей, то есть в четыре раза дороже.

Из этих (и подобных им) фактов Н. И. Павленко делает глубоко обоснованный вывод: «Капитал, авансированный промышленником на покупку крестьян, приносил доход феодального, а не капиталистического происхождения. Если, далее, учесть, что мануфактурист покупал не работников, а ревизские души, то эффективность его затрат на приобретение «крещеной» собственности понижалась, по крайней мере, в два раза. В металлургии, например, пригодной к работе считалась только половина ревизских душ (остальные — старики и дети), а в легкой промышленности процент использования труда купленных крестьян были и того ниже — там в работе находилось около 36%»²⁶. Если к этому добавим, что и крестьянин-отходник, получивший паспорт и вышедший на заработки, эксплуатировался на заводе капиталистическим способом, чтобы затем, получив деньги, заплатить феодальный оброк своему господину, то станет понятно, что в системе крепостнической промышленности условий для развития капитализма (и, следовательно, для оформления класса буржуазии) не было.

Наконец, эксплуатируя такую систему промышленности, казна была заинтересована в стабильных поставках изделий предприятий, для чего, собственно, предприниматели и поощрялись деньгами и душами. Соответственно государство смотрело весьма благосклонно на просьбу мануфактуриста ввести монополии на производство товаров, выпускаемых именно этим мануфактуристом, или на закупку сырья, ему необходимого. Примечательно, что, вводя такие монополии, государство видело в них и пользу чисто фискального свойства: сам предприниматель, считали чиновники, будет заинтересован в наблюдении за тем, чтобы не появились конкуренты, которые могут избежать казенных платежей. В конце 1720 года кожевники всей страны узнали, что некто М. Павлов основал компанию и получил привилегию на заведение кожевенного завода. В соответствии с этим устанавливалось: отныне всем продавцам кож «кожи продавать, прежде велеть объявлять им, компанейщиком, а покупать им у продавцов те кожи настоящею ценою, а продавцом, не объявляя им, кож никому под штрафом продавать, и цены возвышать не велеть же, чтоб кожевенной завод потреб-

ными кожами был доволен и в действии мастерства остановки не было. А им, компанейщиком оных продавцов тою покупкою не волочить»²⁷. Нет сомнений, что последнее относится к разряду благих пожеланий,— можно представить себе, что делал на рынке кож, прикрываясь указом, Павлов со своими компанейщиками!

Борьба с конкурентами с помощью государственных указов и «привилегий» мешала нормальному течению капиталистического процесса в стране. Защищенные «привилегиями», обеспеченные заказами казны, предприниматели, как отмечалось выше, не были заинтересованы в усовершенствовании производства, для чего нужно было вкладывать немалые средства.

Важно, что деформация коснулась такой важной сферы, как сознание. Мануфактуристы-предприниматели, «вмонтированные» в общую крепостническую систему, не ощущали своего социального своеобразия, у них не возникало корпоративного, классового сознания. В то время как в развитых странах Европы буржуазия не только осознавала самое себя, но и открыто заявляла о своих претензиях властям, дворянству и королю, в России шло попятное движение: мануфактуристы, получившие крестьян, стремились добиться изменения, точнее, повышения своего социального статуса — стать дворянами. Эта тенденция — прямой результат развития крепостничества в промышленности — приводила к тому, что буквально через одно-два поколения представители предпринимателей превращались в дворян, полностью растворенных в привилегированном классе и даже забывших язык своих, вышедших из крестьян и посада, предприимчивых дедов и прадедов. Наиболее яркий пример — история баронов Строгановых и Демидовых.

Итак, промышленное строительство при Петре привело к двум основным результатам — созданию мощной экономической базы, столь необходимой развивающейся нации, и одновременно к существенному приостановлению тенденций капиталистического развития страны, движения по тому пути по которому уже давно шли другие европейские народы.